

войны японцы без особого шума прибирали к рукам всё, что «плохо лежало» на Дальнем Востоке, и теперь в Вашингтоне вовсе не исключали их активной заинтересованности в грабеже России. Многие деятели Белого движения, включая Бахметева, поддержали идею участия США в интервенции отнюдь не только потому, что это давало шанс на успех и способствовало объединению антибольшевистских сил. В присутствии американцев они видели известную гарантию сохранения единства страны⁷². Со своей стороны, Вильсон не ставил под сомнение её будущее как единого и демократического государства. Отправляя войска в Россию, едва ли он упускал из виду долгосрочные экономические интересы США. Ведь революция должна была когда-нибудь закончиться. И тогда наиболее дружественная держава могла бы получить в качестве приза доступ к огромным природным ресурсам и рынку бывшей империи и прибыль от инвестиций в восстановление мирной жизни.

Объединение экономического, военного и политического потенциала американской и русской демократий при лидерстве Вашингтона позволило бы ему осуществлять самые амбициозные планы глобальной политики. Поэтому понятно явное нежелание Вильсона отдавать союзникам инициативу в решении «русского вопроса», включая и присоединение к интервенции. Так или иначе, демократическая администрация В. Вильсона до конца верила в способность русского народа избавиться от большевиков, последовательно отказывалась признавать Советское правительство и придерживалась принципа сохранения территориальной целостности России, выполняя моральные обязательства перед попавшим в беду партнёром⁷³.

⁷² Будницкий О.В. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 146–148; Killen L. The Search for a Democratic Russia: Boris Bakmeteff and the United States // Diplomatic History. 1978. Vol. 2. № 3 (Summer). P. 238–245.

⁷³ Подтверждением этому стала знаменитая нота государственного секретаря Б. Колби от 10 августа 1920 г. Подробнее см.: Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 286–290; Saul N. War and Revolution... P. 437–439.

Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985–1990)

Александр Барсенков

«The new thinking» and the end of the Cold War (1985–1990)
Alexander Barsenkov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Окончание холодной войны хронологически совпадает с драматичным периодом отечественной истории, получившим название перестройка. Более того, между ними существовала не формальная, а содержательная связь. Сдвиги в советской внешней политике с 1985 г. напрямую связаны с попыткой изменения существовавших в СССР общественных отношений, вначале через совершенствование социализма советского типа, а затем посредством

его глубинной системной трансформации¹. На деле речь шла об отказе от теории и политической практики «марксизма-ленинизма», определявших развитие СССР до середины 1980-х гг. Рождение этого феномена и самого понятия приходится на начало 1930-х гг. и связано с именем И.В. Сталина, придававшего большое значение теоретическому обоснованию создававшейся мобилизационной модели устройства общества, во многом обусловленной сложившейся тогда в мире обстановкой. При этом считалось, что в будущем человечество ожидает необратимое утверждение социализма, который постепенно отвоёвывает свои позиции в противостоянии с капитализмом. Международные отношения же рассматривались как сфера непримиримой классово-борьбы, допускающей лишь временные тактические компромиссы².

Между тем после Второй мировой войны динамика и характер общественного развития существенно усложнились. Советский Союз, несмотря на большие достижения в области образования, науки, культуры, индустриального развития, обеспечения обороноспособности и т.д., всё менее убедительно выглядел в роли лидера. Построение на Западе социального государства, расширение там демократических начал в управлении, повышение интереса к защите прав человека, начало перехода к постиндустриальному развитию – всё это объективно превращалось в исторический вызов теряющему динамизм и внешнюю привлекательность СССР³. Утративший способность к саморазвитию, измотанный гонкой вооружений Советский Союз остро нуждался во внутренних реформах, что было невозможно без преодоления конфронтационной ситуации конца 1970-х – начала 1980-х гг., которая характеризовалась как «новая холодная война».

В этих условиях партию, а фактически страну, возглавил М.С. Горбачёв, которому, «отвечая на вызов времени», предстояло решать беспрецедентные по масштабам и сложности задачи, связанные с поиском новой модели социального развития СССР и отношений с внешним миром⁴. Неудивительно, что его международная деятельность в 1985–1991 гг. получила разностороннее отражение в мемуарах, аналитических работах и учебных пособиях. Её хронологическая канва воссоздана в монографиях А.И. Уткина и М.Ф. Польшова⁵. Однако для прояснения её внутренней логики необходимо, прежде всего, выделить основные факторы, влиявшие на внешнеполитические решения 1985–1991 гг.

Формирование базовых принципов политики «нового мышления» происходило с момента избрания М.С. Горбачёва генеральным секретарём в марте 1985 г. по декабрь 1988 г., когда им была произнесена программная речь в ООН. Одновременно началось изменение советской линии на их основе. С января 1989 г. по декабрь 1991 г. осуществление данной доктрины привело

¹ См.: Барсенков А.С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 годах // Российская история. 2014. № 6; *он же*. Введение в современную российскую историю. 1985–1991. М., 2002.

² Подробнее см.: The Demise of Marxism-Leninism in Russia / Ed. by A. Brown. Oxford, 2004.

³ Пленков О.Ю. Истоки современности. Динамика и логика развития Запада в Новейшее время. СПб., 2014.

⁴ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки. Документальные свидетельства. М., 2010.

⁵ Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. М., 2006; Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва. 1985–1991 гг. СПб., 2014.

к *перестройке* всей дипломатии Советского Союза. Тогда же происходили основные события, связанные с окончанием холодной войны⁶.

Для нормализации отношений с Западом действительно требовалось проведение более гибкого курса. Надежды на это и в нашей стране, и за рубежом связывали с начавшейся в 1980-х гг. сменой поколений высшего партийного руководства. Уже в первых своих выступлениях Горбачёв указывал на необходимость возобновления диалога и преодоления напряжённости в международных отношениях. Он заявлял, что СССР намерен проводить ответственную, конструктивную внешнюю политику, учитывающую интересы каждого государства, и не будет стремиться к военному превосходству. В частности, говоря о разоружении, генеральный секретарь неоднократно повторял, что «СССР готов к действительным и очень крупным сокращениям стратегического оружия»⁷. Желая рассеять традиционное недоверие и убедить в серьёзности своих намерений, Москва с весны 1985 г. развернула «мирное наступление» и сделала ряд односторонних шагов. Впоследствии Горбачёв называл это «тактикой стимулирования партнёра»⁸. Уже в начале апреля 1985 г. был введён мораторий на развёртывание советских ракет средней дальности в Европе. В том же месяце последовало подтверждение заявления 1982 г. о неприменении первыми ядерного оружия. Затем Советский Союз объявил мораторий на ядерные испытания до 1 января 1986 г. «Мирное наступление» продолжалось и позднее.

В то же время тщательно продумывался выбор лиц, призванных разрабатывать и воплощать новый курс. Первым сигналом перемен стало появление в июле 1985 г. на должности министра иностранных дел СССР бывшего первого секретаря ЦК компартии Грузии Э.А. Шеварднадзе, имевшего весьма ограниченный опыт участия в международных делах.

Консервативный стиль дипломатии А.А. Громыко не устраивал Горбачёва, и ему нужен был человек, не связанный с прежним главой МИД ни профессиональными, ни личными обязательствами⁹. Фактически же руководителем всей внешней политики становился сам генеральный секретарь.

Пост секретаря ЦК КПСС и заведующего его международным отделом занял А.Ф. Добрынин, являвшийся ранее послом СССР в США. Прежде отдел занимался связями с коммунистическими партиями Запада, а также революционными движениями в «третьем мире». Горбачёв, с одной стороны, желал воспользоваться обширными связями Добрынина в американском истеблишменте, а с другой – недвусмысленно демонстрировал новые приоритеты.

Намного более значимым было стремительное возвышение А.Н. Яковлева, с лета 1985 г. ставшего, по сути, главным советником Горбачёва. В 1986 г. он уже – один из двух секретарей ЦК по идеологии, в 1987 г. – член Политбюро, курирующий идеологию и внешнюю политику (третий человек в партийной иерархии). С осени 1988 г. до лета 1990 г. именно он отвечал в Политбюро за внешнюю политику. При этом, как отмечал Е.К. Лигачёв, обязанности Яковлева распространялись намного далее сферы его формальной ответственности.

⁶ Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 42–43.

⁷ Горбачёв М.С. Размышления о прошлом и будущем. М., 1998. С. 208–210.

⁸ Перестройка: двадцать лет спустя. М., 2005. С. 219.

⁹ Грачёв А.С. Горбачёв. М., 2001. С. 102.

сти: в 1985–1990 гг. он участвовал в подготовке всех ключевых программ и документов, а также наиболее важных выступлений Горбачёва¹⁰. Им разрабатывалась концепция «реформации» (а на деле демонтажа советской системы), предусматривавшая политическую и идеологическую «демократизацию» вне социального и экономического контекста. По свидетельству Е.М. Примакова, именно Яковлеву принадлежала и идея «нового политического мышления»¹¹.

В феврале 1986 г. на должность помощника генерального секретаря по внешней политике был приглашён близкий по взглядам к Яковлеву А.С. Черняев (по его собственному признанию, на 95% их позиции совпадали). Горбачёв называл его своим «alter ego». В марте 1986 г. секретарём ЦК и заведующим Отделом социалистических стран стал В.А. Медведев, до этого с 1983 г. возглавлявший отдел науки и учебных заведений ЦК и занимавшийся преимущественно экономической теорией и пропагандой. Его первым заместителем в том же году стал Г.Х. Шахназаров, также вошедший в «ближний круг» Горбачёва и в 1988 г. назначенный помощником генерального секретаря. Шахназаров был энергичным сторонником политической либерализации как СССР, так и стран Восточной Европы. В интеллектуальном «обслуживании» нового курса существенную роль играли также академики И.Т. Фролов (главный редактор журнала «Коммунист» и газеты «Правда», помощник Горбачёва и секретарь ЦК), Г.А. Арбатов (директор Института США и Канады) и Е.М. Примаков, сменивший в 1985 г. А.Н. Яковлева на посту директора Института мировой экономики и международных отношений¹².

«Команду» Горбачёва составляли люди, чьи взгляды и представления о внутренней и внешней политике были теснейшим образом взаимосвязаны. Но в подавляющем большинстве они обладали лишь аппаратным, исследовательским и журналистским опытом и, за редким исключением, не сталкивались ещё с решением практических вопросов международной жизни. Поэтому их действия неизбежно носили *поисковый* характер, а желание и готовность совершить коренной поворот должны были пройти проверку реалиями. Вначале, в период консолидации власти, Горбачёв действовал осторожно. Но по мере укрепления его позиций, как вспоминал А.Ф. Добрынин, «стиль руководства становился всё более авторитарным»: «Обсуждение внешнеполитических вопросов в Политбюро также претерпевало трансформацию. От подробного рассмотрения и принятия решений и обязывающих директив Горбачёв стал переходить к тому, чтобы использовать максимальную свободу рук на переговорах с главами других государств... Постепенно... Горбачёв достиг своей цели – практически самостоятельно определял и осуществлял внешний курс страны. Всё это стало особенно очевидным с 1989 года»¹³.

Одним из новшеств советской дипломатии середины 1980-х гг. стала попытка начать диалог не с Соединёнными Штатами, а с Европой. «С американцами определённно не удастся договориться, – полагал Шеварднадзе, – нужно искать пути сближения через Францию, Англию и другие европейские страны». Разрабатывая программу визитов Горбачёва, в МИД рассчитывали, договорившись

¹⁰ Лигачёв Е.К. Загадка Горбачёва. Новосибирск, 1992. С. 71, 79.

¹¹ Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 45.

¹² Подробнее см.: Hough J. Democratization and Revolution in the USSR. Washington (D.C.), 1997. P. 177–189.

¹³ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США. М., 2008. С. 612, 673–674.

с европейцами, произвести на американцев «отрезвляющий эффект перехвата инициативы»¹⁴. Поэтому первый зарубежный визит новый лидер КПСС нанёс в октябре 1985 г. во Францию, которая вместе с СССР стояла у истоков «разрядки» конца 1960-х – первой половины 1970-х гг. и демонстрировала бóльшую, чем другие союзники Вашингтона, самостоятельность.

В Париже Горбачёв выдвинул ряд важных инициатив. СССР брал на себя обязательство сократить ракеты СС-20 до уровня 1984 г., когда началось их дополнительное размещение, вызвавшее тревогу европейской общественности. Советский Союз выразил готовность заключить соглашение по РСД в Европе *отдельно* от договоров по космическим и стратегическим вооружениям, что являлось отступлением от «линии А.А. Громыко», предполагавшей «пакетный» подход при решении этих проблем. Горбачёв также соглашался пойти с Западом на обмен планами уведомляемой военной деятельности – беспрецедентное по тем временам решение, против которого всегда возражали в Министерстве обороны. Кроме того, в *Париже* он обратился к руководству США с призывом к взаимному сокращению ядерного оружия на 50%. И, наконец, там же была высказана увлекавшая Горбачёва идея строительства «общеевропейского дома»¹⁵.

Выдвинутые во Франции предложения советский лидер предполагал обсудить 19–21 ноября на встрече с американским президентом в Женеве. Если в Москве искали новые подходы, то в Вашингтоне, напротив, прослеживалась преемственность стратегических задач. Возглавивший в 1980 г. США Р. Рейган исходил из уверенности в экономическом ослаблении Советского Союза, переживавшего к тому же смену поколений политического руководства. Ко второму сроку своего президентства он пришёл к выводу о возможности с помощью наступательной дипломатии достичь целей, ранее казавшихся лишь пропагандистскими – сдерживания и свёртывания советской экспансии, а также содействия эволюционным переменам внутри СССР. В программной речи, произнесённой Рейганом в январе 1984 г., предлагалось добиваться исключения угрозы и применения силы при урегулировании международных конфликтов, сокращения огромных арсеналов, укрепления доверия в мире, чему должны были способствовать расширение контактов между странами и свободный обмен информацией и идеями. По инициативе государственного секретаря Дж. Шульца к этому было добавлено положение о необходимости соблюдения в СССР прав человека. Реализация такой программы из четырёх пунктов должна была, по мнению её разработчиков, стать для СССР условием прекращения холодной войны¹⁶. Рейган последовательно придерживался этого «пакетного» подхода.

Проходившая после шестилетнего перерыва в Женеве встреча высших руководителей двух сверхдержав вызвала колоссальный интерес: для её освещения съехались 3 500 журналистов. Горбачёв энергично настаивал на сокращении стратегических вооружений и ракет средней и меньшей дальности, критиковал американскую Стратегическую оборонную инициативу (СОИ). Р. Рейган столь же твёрдо следовал логике своего «пакета». В результате ни о чём договориться не удалось. Тем не менее итоги встречи казались обнадеживающими, поскольку лидеры установили личный контакт и фактически отказались от

¹⁴ *Гриневский О.А.* Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М., 2004. С. 240, 244.

¹⁵ *Горбачёв М.С.* Избранные речи и статьи. В 7 т. Т. 2. М., 1988. С. 462–465.

¹⁶ *Мэтлок Дж.* Рейган и Горбачёв. Как окончилась «холодная война» и все выиграли. М., 2005. С. 100–101.

практики длительных предварительных консультаций на экспертном уровне. Рейган впервые в истории советско-американских отношений на столь высоком уровне заговорил о соблюдении прав человека в СССР. Тогда Горбачёв отверг обвинения в их нарушении и указал на то, что это является внутренним делом страны. Столь же уверенно он уходил и от предложений «разобраться» с международными конфликтами в регионах, где США и СССР поддерживали противостоящие силы. Таким образом, к концу 1985 г. советско-американский диалог был возобновлён, а СССР, по словам Черняева, вновь сделал ставку на приоритетность взаимодействия с США¹⁷.

В 1986 г. Москва продолжила «мирное наступление». 15 января Горбачёв выступил с программным заявлением о ликвидации ядерного оружия в мире к 2000 г. На первом этапе (5–8 лет) следовало вдвое сократить ядерные запасы СССР и США, а также их ракеты средней дальности в Европе. На втором этапе (5–7 лет) к разоружению подключались бы другие державы, а на третьем завершалась ликвидация всех оставшихся ядерных средств. Осуществлять всё это предполагалось под разноплановым международным контролем¹⁸. Сам Горбачёв высоко оценивал такую программу, считая её реалистичной. Он неоднократно утверждал, что подобные инициативы свидетельствуют о торжестве новых подходов в международной политике. Однако они были столь радикальны, что на Западе сомневались в их искренности. Большинство же экспертов считало, что в полной мере программа неосуществима. Мнение многих советских военных и дипломатов выразил О.А. Гриневский: «Эффективно для публики, но несерьёзно для дела»¹⁹.

Ключевой вехой в становлении новой советской внешнеполитической доктрины стал XXVII съезд КПСС, на котором идеи «нового мышления» были представлены в виде достаточно целостной концепции. Именно в международном разделе политического доклада ощущался решительный отказ от старых догм «марксизма-ленинизма». В основу его легла идея *целостного взаимозависимого мира*, единство которого обусловлено глобальным характером существующих вызовов и угроз²⁰. Это резко противоречило традиционному представлению о том, что мировое развитие определяется борьбой двух систем. Основную тревогу у Горбачёва вызывало наличие ядерного оружия и гонки вооружений. Безопасность, как утверждал советский лидер, может быть только «равной», а обеспечивать её нужно предельно низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо полностью исключить любое оружие массового уничтожения. Вооружённые силы следовало ограничить пределами «разумной достаточности» (позднее стали говорить об «оборонительной достаточности»), что предполагало принятие всеми государствами исключительно оборонительных военных доктрин.

Горбачёв предлагал вести многовекторную внешнюю политику, не замыкаясь на отношениях с какой-то одной, пусть даже очень важной, страной. При этом требовалось руководствоваться соблюдением «баланса интересов», отказавшись от «дипломатии с нулевой суммой», когда победа одной стороны оборачивается поражением другой. Тем самым Западу демонстрировалось, что СССР готов не только вернуться к «разрядке», но и перейти к «сотворчест-

¹⁷ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 19, 78, 395–396.

¹⁸ Правда. 1986. 16 января.

¹⁹ Гриневский О.А. Указ. соч. С. 322.

²⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 21.

ву», «соразвитию». Отталкиваясь от идеи целостности и взаимозависимости мира, Горбачёв призвал к созданию *всеобъемлющей системы международной безопасности*, что предусматривало осуществление на взаимной основе комплекса мер не только в военной, но и в политической, экономической и гуманитарной сферах²¹.

После одобрения намеченного курса делегатами съезда советское руководство продолжило разработку новых подходов. Весьма смелые и резкие формулировки прозвучали 23–24 мая 1986 г. на закрытой конференции в МИД, где обсуждались различные аспекты проблем разоружения. Уже тогда Горбачёв признавал, что без направления в гражданские отрасли средств, идущих на военные расходы, развивать отечественную экономику невозможно, и в этом отношении время работает против СССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС прямо заявил, что «социализм – это ошибка истории, что это – заведомо отсталая экономика, что у советского общества нет перспективы»²². Он констатировал, что сохранение мира важнее, чем интересы рабочего движения, и этим, пока непублично, был по сути намечен отход от классовых ценностей. «У каждого государства – собственные интересы, – рассуждал Горбачёв. – И если каждое государство будет преследовать только свои собственные интересы и не будет способно сотрудничать, идти навстречу и иметь общие интересы – нет нормальных международных отношений»²³. Перед МИД ставилась задача искать компромиссы и занимать более гибкую позицию на переговорах.

Отношения со странами социалистического лагеря по-прежнему провозглашались приоритетными. Но, как отмечал Горбачёв, «по своему образу жизни они (соцстраны. – А.Б.) ничуть не уступают СССР, а зачастую превосходят, а потому нельзя дальше претендовать на монополию в том, что касается истины; нельзя осчастливить те народы, которые этого не хотят»²⁴. По свидетельству Черняева, особого интереса к «социалистическому содружеству» Горбачёв уже тогда не проявлял: «Он без энтузиазма идёт на контакты с лидерами соцстран, с трудом соглашается на визиты и явно не склонен демонстрировать свою “руководящую роль”»²⁵. На конференции генеральный секретарь резко критиковал структуры, отвечавшие за внешнюю политику, и сетовал на то, что они «идут не в ногу, отстают от замыслов и практических шагов нового руководства»²⁶.

Недовольство вылилось в серьёзные кадровые изменения. С мая 1986 г. перестановки в МИД стали массовыми и приобрели характер «кадровой чистки»: к маю 1987 г. были заменены 7 из 9 заместителей министра, 7 из 10 послов по особым поручениям, 8 из 16 заведующих территориальными отделами, 68 из 115 послов²⁷. Советские представительства в ведущих странах Запада возглавили новые послы.

²¹ Там же. С. 74–76.

²² См.: *Квицинский Ю.А.* Время и случай. Записки профессионала. М., 1999. С. 282; *Червов Н.Ф.* Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001. С. 245.

²³ *Горбачёв М.С.* Годы трудных решений. М., 1993. С. 54.

²⁴ *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. М., 2005. С. 81.

²⁵ *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачёвым. С. 60, 81.

²⁶ *Квицинский Ю.А.* Указ. соч. С. 485.

²⁷ *Гринеvский О.А.* Указ. соч. С. 350; *Громыко Анат. А.* В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 116; *Очерки истории Министерства иностранных дел.* В 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 437–445.

С середины 1986 г. политика уступок вызвала существенные подвижки на всех переговорных площадках. Это казалось важным, поскольку «после Женевы» советско-американские отношения не только не улучшились, но оставались напряжёнными. Поэтому подготовке встречи с Рейганом в Исландии, намеченной на осень 1986 г., придавалось особое значение. В Рейкьявике генеральный секретарь намеревался «сорвать следующий этап гонки вооружений». «Если мы этого не сделаем, – говорил он, – опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку, и мы её проиграем, ибо мы на пределе возможностей»²⁸.

Идя на переговоры, Горбачёв рассчитывал «ошеломить Рейгана смелостью» предложений²⁹. Советская сторона выступала за действительно глубокие – на 50% – сокращения каждого из трёх видов стратегических наступательных вооружений (межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет на подводных лодках, тяжёлых бомбардировщиков). При этом Советский Союз соглашался оставить за рамками переговоров американские ядерные средства передового базирования и был готов пойти на полную ликвидацию советских и американских ракет средней дальности в Европе. Уступкой стал отказ от учёта ядерных сил Великобритании и Франции, входивших в общий с США военно-политический альянс. В космической сфере стороны должны были взять на себя обязательство соблюдать Договор по ПРО 1972 г. Однако накануне встречи Москва уже допускала возможность выхода из него через 15 лет. Все эти предложения носили «пакетный» характер и были жёстко взаимосвязаны³⁰.

На прошедшей 11–12 октября 1986 г. встрече в Рейкьявике удалось разрешить большинство спорных вопросов, касавшихся сокращения ядерного оружия, но эпохальные соглашения не были подписаны из-за отказа Рейгана ввести ограничения на СОИ. Между тем исландский саммит стал возможен лишь потому, что ещё на стадии подготовки американцы увязали его проведение с обязательным обсуждением «гуманитарных» вопросов. Рейган настаивал на важности прогресса в этой сфере для достижения договорённостей в других областях³¹. С 1986 г. Москва шла навстречу американским требованиям, и в Рейкьявике работали уже две экспертные группы: одна занималась контролем над вооружениями, другая – региональными конфликтами, правами человека и улучшением контактов и связей.

Формально рейкьявическая встреча не была успешной, но она убедила советское руководство в том, что для сближения с США необходим «конструктивный» диалог по *всему спектру проблем*, разделяющих Восток и Запад. И то, что в СССР с начала 1987 г. особое внимание уделялось реформам общественно-политического устройства, возможно, не было простым совпадением. Позднее и Горбачёв, и Рейган отмечали, что в Рейкьявике начался поворот в новых советско-американских отношениях, а М. Тэтчер *не раз* называла этот саммит поворотным пунктом *всей холодной войны*³². Едва ли случайно памятник в честь её завершения впоследствии установили именно в столице Исландии.

²⁸ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 83.

²⁹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым. С. 110.

³⁰ В политбюро ЦК КПСС... С. 85–87.

³¹ Мэтлок Дж. Рейган и Горбачёв... С. 227.

³² Тэтчер М. Искусство управления государством. Изд. 4. М., 2014. С. 35.

Для решения новых задач создавались соответствующие структуры. В МИД СССР было образовано Управление по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека, в аппарате ЦК КПСС (в идеологическом отделе) появился сектор по правам человека. Важным шагом по налаживанию практического сотрудничества стало создание в апреле 1987 г. совместной советско-американской комиссии, которую возглавили заместитель министра иностранных дел А.В. Адамишин и помощник государственного секретаря США по вопросам прав человека Р. Шифтер³³. Формально речь шла о взаимодействии в самом широком смысле – от установления межпарламентских связей до борьбы с наркотрафиком, фактически же комиссия обсуждала использование в СССР психиатрии для репрессивных целей, положение политических заключённых и СМИ, ограничение прав граждан публично выражать своё мнение и участвовать в религиозной жизни, расширение культурных и научных обменов, особенно упрощение выезда советских людей за рубеж (именно в этом вследствие настойчивости американцев происходили наиболее заметные изменения).

Важнейшим итогом диалога с США в первый период политики «нового мышления» стало подписание 8 декабря 1987 г. в Вашингтоне двустороннего Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Для этого Москве пришлось пойти на серьёзные уступки: в феврале вопреки возражениям военных было принято решение не связывать единым «пакетом» переговоры о РСМД и других видах вооружения. Кроме того, сокращение носило явно асимметричный характер: СССР уничтожил 1 846 единиц, а американцы – 846³⁴. Допустимость этого объясняли неодинаковой ценностью ракет с точки зрения их стратегического расположения, а также расчётом на то, что это лишь первый шаг в реализации намеченной СССР в январе 1986 г. «планетарной» программы ликвидации ядерного оружия к 2000 г.

Большой резонанс в 1987 г. вызвала книга Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», изданная тиражом в 5 млн экземпляров на 64 языках в 160 странах. В ней наиболее целостно излагались идеи и принципы внутренней и внешней политики СССР, а «новое мышление» рассматривалось как всеобщая универсальная основа международных отношений³⁵. Эта концепция нашла отражение и в выступлении Горбачёва в ООН 7 декабря 1988 г. Оно задумывалось как своеобразный «анти-Фултон» – точка отсчёта окончания холодной войны. Основное внимание в речи уделялось созданию нового мирового порядка на основе всеобъемлющей системы коллективной безопасности при руководящей роли ООН. Готовность следовать в этом направлении подкреплялась заявлениями о сокращении в одностороннем порядке вооружённых сил СССР, о выводе из Восточной Европы более 40% танковых дивизий и уменьшении количества советских войск вдоль границы с Китаем³⁶.

1989 год стал переломным как в истории «перестройки», так и в ходе холодной войны – связь между внутренним развитием СССР и его международными

³³ Adamishin A., Shifter R. Human Rights, Perestroika and the End of Cold War. Washington, 2009. P. 83, 130.

³⁴ История международных отношений. В 3 т. / Под общ. ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Т. III. М., 2012. С. 423–427.

³⁵ Горбачёв М.С. Наедине с собой. М., 2012. С. 494.

³⁶ Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. Т. 7. М., 1990. С. 184.

позициями становилась всё более ощутимой. К этому времени положение в народном хозяйстве заметно ухудшилось, потребительский рынок был развален, росло забастовочное движение. Лавинообразная критика трагических и неоднозначных событий XX в. привела к дискредитации власти партии и советской системы в целом. Началась инспирированная «сверху» ревизия доктринальных основ марксизма. В союзных и автономных республиках социалистическая идеология замещалась агрессивно-националистической. Активно формировались оппозиционные течения. Все эти процессы с 1989 г. обрели необратимый, а в 1990–1991 гг. – обвальный характер. Страна вступала в период кризиса, стремительно слабела, и ей становилось всё труднее выдерживать давление со стороны зарубежных «партнёров»³⁷.

Важные изменения «накапливались» в 1986–1988 гг. и в государствах Центральной и Восточной Европы. На рабочей встрече лидеров социалистических стран в ноябре 1986 г. формально были поддержаны провозглашённые Горбачёвым идеи невмешательства во внутренние дела, равноправия, отказа от патернализма, перехода к взаимовыгодным экономическим связям при сохранении помощи отстающим в развитии, модернизации ОВД и СЭВ. Однако имевшийся исторический опыт заставлял скептически оценивать подобные заявления³⁸. По-разному воспринималась и сама перестройка с её лозунгами «демократизации», «гласности», «обновления кадров» и провалами в экономической политике. В то же время политические режимы социалистических стран по-прежнему в значительной мере зависели от СССР, поскольку не могли существовать без его поддержки³⁹.

Трудности, нараставшие в СССР, вскоре сказались на его партнёрах по СЭВ. Многие из подписанных в 1986–1988 гг. соглашений Советский Союз оказался не в состоянии выполнить. В результате расширялись торговые связи стран Центральной и Восточной Европы с Западом, а их кредитная зависимость, приближавшаяся к 100 млрд дол.⁴⁰, грозила им финансовым банкротством. Лидеры «братских партий» не раз обращались к Горбачёву с просьбами о помощи, но тот был вынужден отвечать отказом.

К началу 1989 г. обстановка в регионе была близка к революционной⁴¹. Перестройка в СССР, неудовлетворённость условиями жизни и активизация контактов с внешним миром привели к оживлению демократической и националистической оппозиции, носившей преимущественно прозападный характер и выступавшей за денационализацию собственности, десоветизацию и десателлизацию. Однако все осознавали, что осуществление этих лозунгов возможно лишь в случае кардинальных изменений в позиции СССР. А надежды на них персонифицировал Горбачёв.

23 сентября 1988 г. в Москве была принята делегация Польской объединённой рабочей партии (ПОРП), прибывшая для обсуждения перспектив диалога с оппозиционным профсоюзом «Солидарность» и проведения альтернативных

³⁷ Подробнее см.: Барсенков А.С. Политика перестройки... С. 87–88.

³⁸ Подробнее см.: Мусатов В.Л. Метаморфозы политики Горбачёва в отношении стран социалистического содружества // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 12.

³⁹ Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011. С. 82.

⁴⁰ Давиша К. Узы, которые связывают: отношения Советского Союза с Восточной Европой // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М., 1990. С. 367–368.

⁴¹ Saxonberg St. The Fall. A Comparative Study of the End of the Communism in Czechoslovakia, East Germany, Hungary and Poland. Amsterdam, 2001. P. 374.

выборов в Сейм. Планировалось сохранить за ПОРП лишь 40% мест, а остальные предоставить другим партиям и конструктивной оппозиции, сформировав затем коалиционное правительство. Для достижения компромисса предлагалось прибегнуть к механизму «круглого стола». Эта идея, обсуждавшаяся в международном отделе ЦК КПСС с начала 1988 г., была одобрена⁴². Но, очевидно, её применение не могло ограничиться Польшей. На будущее социалистического содружества повлияло и прозвучавшее в декабре 1988 г. заявление Горбачёва о готовности вывести часть Западной группы войск. Это рассматривалось как сигнал о том, что в условиях надвигающегося экономического кризиса СССР не будет силой поддерживать существующие режимы. Однако советским руководством зачастую не учитывалась возможная переориентация внешней политики восточноевропейских государств в случае изменения их внутреннего устройства.

Между тем перемены, стремительно происходившие в СССР после 1985 г., объективно требовали осмысления способов сохранения территории безопасности, за обретение которой в 1941–1945 гг. была заплачена исключительно высокая цена, что в принципе понимали и в Восточной Европе. Создание «социалистического лагеря» во второй половине 1940-х гг. закрепляло завоеванные в результате победы над Германией геополитические позиции, обеспечивая наличие пояса невраждебных Советскому Союзу государств⁴³. Определённый компромисс мог быть достигнут в рамках «финляндизации», т.е. с учётом опыта советско-финских отношений после Второй мировой войны. По Договору о сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. Финляндия заявляла о своём нейтральном статусе и признании особых стратегических интересов СССР⁴⁴. При этом она сохраняла демократическое устройство, рыночную экономику и определённую свободу слова, хотя антисоветская пропаганда не поощрялась, а вначале была вовсе запрещена. Страна достигла впечатляющих экономических успехов за счёт сотрудничества с Западной Европой и СССР. Возможность «финляндизации» государств Восточной Европы обсуждалась в СССР в начале перестройки⁴⁵, но тогда на высшем уровне интереса не вызвала: это требовало инициативной политики в регионе, а «горбачёвцы» были сконцентрированы на «западном» направлении. Когда же СССР попытался вернуться на этот путь в 1991 г., ресурсов для отстаивания своих интересов уже не было.

Важным фактором, влиявшим на внешнюю политику СССР, стало усиление американского воздействия на события в Европе. В январе 1989 г. Р. Рейгана на посту президента сменил Дж. Буш, передача власти вызвала паузу в международной деятельности США, продлившуюся до весны 1989 г. В этот период контакты между Москвой и Вашингтоном носили преимущественно непубличный характер, зондаж позиций осуществлялся через опытных дипломатов (А.А. Бессмертных, А.Ф. Добрынина, Г. Киссинджера, Дж. Мэтлока). Новая администрация учитывала новые возможности, открывавшиеся вследствие прогрессирующего ослабления СССР. Для того чтобы прозондировать, как да-

⁴² *Островский А.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 294–295.

⁴³ *Очерки истории Министерства иностранных дел России.* Т. 3. М., 2002. С. 341–348.

⁴⁴ *Фридкин В.Н.* Эволюция российско-финляндских отношений: от Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. до современности. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

⁴⁵ *Steele J.* *Eternal Russia: Yeltsin, Gorbachev, and the Mirage of Democracy.* Harvard University Press, 1999. P. 177.

леко СССР готов пойти в защите своих интересов, в январе 1989 г. Москву посетил Киссинджер. Он предложил *разделить ответственность* за положение в Восточной Европе между США и СССР, который уже слабо контролировал происходившие там процессы. По существу это означало пересмотр Ялтинско-потсдамской системы. Киссинджер уверял, что в случае невмешательства СССР США также не станут ничего предпринимать для ускорения развернувшихся в регионе перемен⁴⁶.

Основа скорректированной американской стратегии, получившей название «после сдерживания», была намечена в докладах и аналитических материалах СНБ, ЦРУ, Государственного департамента и других ведомств. «Перестройка – в наших (США. – А.Б.) интересах, – констатировалось в одном из них, – новый подход Горбачёва даёт нам в руки рычаги воздействия, которыми восемь лет назад мы не обладали»⁴⁷. Поэтому рекомендовалось «помочь» советским реформам достичь «точки невозврата», проводя американскую внешнюю политику более решительно и инициативно, особенно в Восточной Европе. Ещё осенью 1988 г. в США была выдвинута идея «тестирования» СССР. 12 мая 1989 г. Дж. Буш заявил, что «новые отношения надо заслужить, одних обещаний здесь недостаточно», искренность Советов должна быть выражена в конкретных действиях⁴⁸. И если в начале 1989 г. от СССР добивались уступок в региональных конфликтах, то к концу года – уже в Центральной и Восточной Европе, а в 1990 г. – в асимметричном сокращении вооружений и проведении преобразований внутри страны. Складывалась своеобразная ситуация: стратегия «тестирования» перекладывала *ответственность* за прогресс в советско-американских отношениях на СССР, в то время как *условия* его устанавливали США.

Тем временем во второй половине 1980-х гг. началась качественно новая фаза европейской интеграции. После вступления в силу в июле 1987 г. «Единого европейского акта» развернулась многоплановая практическая правовая работа по созданию единого внутреннего рынка, отмене визовых ограничений и пограничного контроля, объединению усилий в области внешней политики и обороны. Европа привыкала выступать «единым фронтом»⁴⁹. Ведущую роль в этом процессе играла ФРГ, превратившаяся в экономического гиганта и мощнейшего члена НАТО в Европе, с мнением которого были вынуждены считаться все союзники, несмотря на исторические опасения и даже неприязнь. Пришедшее к власти в 1983 г. правительство Г. Коля видело в объединении Германии не отдалённую цель, а реальную задачу. При этом немцы считали, что оно должно стать частью *и европейской интеграции, и преодоления раскола* Западной и Восточной Европы, и активно действовали на обоих направлениях. С появлением в Белом доме Дж. Буша, по мнению британской прессы, «Бонн уже занял место Лондона как важнейшего европейского партнера США»⁵⁰. А учитывая характер советско-американских отношений, в 1989 г. ФРГ могла себе позволить перехватить инициативу в решении германского вопроса.

⁴⁶ В Политбюро ЦК КПСС... С. 436.

⁴⁷ *Бешлосс М., Тэлбот С.* На самом высоком уровне. М., 2004. С. 45.

⁴⁸ *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М., 2004. С. 59, 66–67.

⁴⁹ *Матвеевский Ю.А.* Европейская интеграция в исторической ретроспективе. М., 2011. С. 141.

⁵⁰ Подробнее см.: *Ковяко И.И.* Маргарет Тэтчер и германский вопрос (1979–1990). М., 2014. С. 41, 58.

Значительное влияние на внешнюю политику СССР в 1989 г. оказали итоги работы начавшейся ещё в ноябре 1986 г. Венской встречи по укреплению мер доверия в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Советская делегация отстаивала традиционную позицию, согласно которой «глобальная концепция всеобъемлющей безопасности по своим основным элементам совпадает с тремя “корзинами” хельсинкских договорённостей», но «судьбы общеевропейского дома в первую очередь зависят от первой – то есть от прогресса в решении проблем сокращения вооружений»⁵¹. Представителям СССР строго предписывалось блокировать предложения, касающиеся права на выезд из страны и получение свободной информации.

Однако в 1988 г. руководство Советского Союза от этой позиции отказалось. Когда Шеварднадзе заявил о готовности провести в Москве общеевропейскую конференцию по гуманитарному сотрудничеству, это воспринималось как нечто сюрреалистическое⁵². Но уже 15 января 1989 г. консенсусом был принят Итоговый документ Венской встречи, провозглашавший, что *все* принципы, изложенные в Заключительном акте 1975 г., имеют первостепенную важность, неразрывно связаны и должны неукоснительно применяться⁵³. О том, что их взаимосвязь является неперенным и общепризнанным условием европейской безопасности, свидетельствовало и включение по настоянию западных стран ряда важных положений о правах и свободах человека в раздел, посвящённый обеспечению безопасности, т.е., относящийся к проблематике «первой корзины» (наряду со специальным разделом о гуманитарном сотрудничестве)⁵⁴. Тут же впервые говорилось о необходимости приведения национальных законов и практики в соответствие с международными пактами ООН и документами СБСЕ. Одобрив документ, «Советский Союз впервые официально согласился с принципом приоритетности международного права применительно к внутреннему законодательству»⁵⁵. В марте 1989 г. в МИД СССР было создано специальное совещание руководителей двадцати общесоюзных министерств и ведомств, перед которыми была поставлена задача привести законодательные нормы, касающиеся средств массовой информации, религиозных и общественных организаций, а также эмиграции, в соответствие с международными стандартами и «венскими требованиями». Под эгидой МИД создали специальную межведомственную группу, курировавшую эту работу⁵⁶.

В марте 1989 г. в Вене между странами ОВД и НАТО начались переговоры о сокращении обычных вооружённых сил в Европе. На подготовку соглашения по вопросу, занимавшему центральное место в отношениях между блоками, оставалось крайне мало времени, поскольку Горбачёв стремился приурочить его подписание к саммиту СБСЕ, намеченному на ноябрь 1990 г. Этой встрече он придавал огромное значение, видя в ней «Хельсинки-2». Горбачёв надеялся, что в условиях преодоления раскола и конфронтации функции поддержания безопасности перейдут от ОВД и НАТО, являвшихся порождением холодной войны, к структурам СБСЕ, призванным отражать интересы *всех* стран конти-

⁵¹ Дeryabin Ю.С. Годы на общеевропейском направлении (из истории СБСЕ/ОБСЕ: воспоминания участника) // Современная Европа. 2007. № 1(29). С. 119.

⁵² Adamishin A., Shifter R. Op. cit. P. 149.

⁵³ Подробнее см.: Воронков Л.С. Хельсинкский процесс: что дальше? М., 2012. С. 94.

⁵⁴ Там же. С. 101.

⁵⁵ Системная история международных отношений. События и документы. 1918–2003. Т. 3. М., 2003. С. 476.

⁵⁶ Adamishin A., Shifter R. Op. cit. P. 159.

нента⁵⁷. Параллельно в 1989 г. проходили советско-американские переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений. И тут, желая достичь «компромисса», СССР шёл ещё дальше навстречу партнёрам⁵⁸. При этом политическому руководству приходилось преодолевать противодействие военных, которые тщательно и детально высчитывали параметры нового баланса сил и возражали против односторонних уступок западным партнёрам. Горбачёв же был уверен, что следует отказаться «от мелочной военной бухгалтерии». Часто спорные вопросы решались на переговорах лишь после его прямого вмешательства. К тому же позиции генералитета были существенно ослаблены ещё в 1987 г., когда провокационное приземление 29 мая на Красной площади немецкого пилота-любителя М. Руста стало поводом для радикального обновления Министерства обороны, а «строптивого» министра С.Л. Соколова сменил менее искушённый в переговорных делах и более «податливый и послушный» Д.Т. Язов⁵⁹.

Всё это заметно способствовало активизации демократических движений в социалистических странах, одновременно сужая возможности СССР воздействовать на происходившие там процессы. Между тем уже в 1989 г. в Польше и Венгрии началась апробация новой американской стратегии. Во время визитов в Польшу (10–11 июля) и Венгрию (12 июля) Буш публично объявил о том, что предоставление им помощи зависит от проведения фундаментальных реформ⁶⁰. Незадолго до этого Шеварднадзе в интервью американскому журналу «Тайм» утверждал, что каждое государство имеет право на свободу выбора пути развития. На вопрос, может ли он представить себе ситуацию, при которой волнения в какой-либо стране, входящей в ОВД, приведут к вмешательству СССР, министр ответил отрицательно⁶¹. 6 июля, комментируя перемены в Польше и Венгрии, Горбачёв подтвердил: «За каждым народом остаётся право выбора. Это центральный пункт... Поэтому, как распорядится польский и венгерский народ... это их дело»⁶². Таким образом, почти «буднично», в «рабочем порядке» начиналось изменение Ялтинско-потсдамской системы. В результате за один год Восточная Европа практически полностью вышла из-под контроля Москвы. Во всех государствах региона произошли «бархатные революции», в ходе которых коммунистические партии отказывались от руководящей роли, после чего на основе идеологического плюрализма и многопартийности формировались новые политические системы, в экономике осуществлялись глубокие рыночные реформы, а внешняя политика переориентировалась под лозунгом «Назад, в Европу!».

Отказываясь от позиций в восточно-европейских странах, Горбачёв одновременно всё больше сосредоточивался на укреплении сотрудничества с Западом. В 1989 г. он посетил Великобританию (апрель), ФРГ (июнь) и Францию (июль). 6 июля в его речи в Страсбурге на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы была пространно изложена концепция «общеевропейского дома», высказанная им ещё в 1986 г.⁶³ Показательно, что это выступление, в котором

⁵⁷ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 2. М., 1995. С. 148.

⁵⁸ Стародубов В.П. От разоружения к капитуляции. М., 2007. С. 240.

⁵⁹ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 676–677.

⁶⁰ Буш Дж., Скоукрофт Б. Указ. соч. С. 45.

⁶¹ Известия. 1989. 8 мая.

⁶² Правда. 1989. 7 июля.

⁶³ Отвечая на вызов времени... С. 339.

лидер СССР рассуждал о единстве континента и призывал всех заново переосмыслить общеевропейские ценности, совпало по времени с началом революций в Польше и Венгрии. Говоря о перспективах создания «общеевропейского дома», Горбачёв не сомневался в реальности образования обширного экономического пространства от Атлантики до Урала. На Западе в целом оценивали эту идею как привлекательную, но указывали на трудности её реализации, поскольку речь шла о подключении государств, находящихся в состоянии системного и экономического кризиса, к интеграционным процессам, уже идущим в Западной Европе на другой экономической и политической основе⁶⁴.

Важное место в политике «нового мышления» отводилось ООН. 28 августа 1989 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О стратегической линии СССР в отношении ООН и связанных с ней международных организаций». В нём утверждалось, что ранее «Советский Союз не сумел оценить потенциал Организации Объединённых Наций», поскольку рассматривал его сугубо «с пропагандистской точки зрения». Теперь же в связи с «уменьшением роли военной силы в мировой политике значимость политических средств разрешения наиболее важных международных вопросов, роль и значение ООН растёт». Этот институт воспринимался как наилучший из имевшихся дипломатических инструментов⁶⁵. С большим оптимизмом оценивалась принятая 15 ноября 1989 г. Генеральной ассамблеей ООН резолюция 44/21 «Укрепление международного мира, безопасности и международного сотрудничества во всех его аспектах в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций». Её уникальность заключалась в том, что впервые за всю историю ООН СССР и США выступили *совместно*, при поддержке ещё 41 государства. Тем самым, по словам заместителя министра иностранных дел СССР В.Ф. Петровского, утверждалась изначально заложенная в Уставе ООН концепция коллективных действий. А это, по мнению дипломата, позволяло положить конец конфронтации и заниматься совместным поиском решения конкретных задач⁶⁶.

Одной из форм «нового мышления» стало активно развернувшееся с 1989 г. переосмысление доперестроечной внешней политики СССР. В печати критиковали «советский гегемонизм» в отношении Восточной Европы и Китая, прежние лидеры страны осуждались за «Катынское дело», развязывание гонки вооружений и неспособность «цивилизованно» себя вести, резко порицались методы Коминтерна, связанные с «экспортом революции», «пакт Молотова–Риббентропа», нападение на Финляндию в 1940 г., вооружённое вмешательство во внутренние дела Венгрии, Чехословакии и Афганистана⁶⁷.

Критическое отторжение прошлого проявлялось и на официальном уровне. Политическим жестом выглядело отсутствие представителей высшего руководства на похоронах скончавшегося в июле 1989 г. А.А. Громыко. На Втором съезде народных депутатов в декабре 1989 г. были осуждены советско-германский Договор о ненападении 1939 г. и ввод войск в Афганистан. В октябре 1989 г., находясь в Финляндии, Горбачёв говорил, что СССР не должен был

⁶⁴ Там же. С. 337, 555.

⁶⁵ Уткин А.И. Указ. соч. С. 178.

⁶⁶ Петровский В.Ф. Постконфронтационная перспектива ООН // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М., 1990. С. 9, 12.

⁶⁷ В концентрированном виде новый взгляд на «старую» внешнюю политику был изложен тогда в книге, вышедшей в программной серии «Иного не дано»: СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М., 1990.

вмешиваться в дела Восточной Европы⁶⁸. Когда позднее прозвучало Заявление глав Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши, осуждавшее вторжение их армий в Чехословакию в 1968 г., советское правительство официально признало, что подобные действия «в свете известных теперь фактов» были ошибочными⁶⁹. Более того, в программной статье Горбачёва «Социалистическая идея и революционная перестройка» бросалось в глаза отсутствие понятия «реальный социализм», что ставило под сомнение существование самого феномена⁷⁰.

События 1989 г. в Восточной Европе оказали значительное влияние на процессы внутри СССР, усилив их радикализацию, поскольку демократическая и националистическая оппозиция убеждалась в том, что руководство страны не пойдёт на применение силы в политической борьбе, не обращая внимание на то, какими будут лозунги и действия противников власти, и не считаясь с возможными последствиями.

В 1989–1991 гг. важнейшим фактором внешней политики СССР становилось состояние экономики. Осенью 1989 г. академик Л.И. Абалкин констатировал: «Экономическое положение в стране в течение последних примерно полутора-двух лет продолжает ухудшаться... В большинстве отраслей и предприятий производство не растёт, а если и увеличивается, то нередко в силу завышения цен»⁷¹. При этом находившаяся в обороте денежная масса стремительно накапливалась. «Если в 70-х годах, – писал позднее Е.К. Лигачёв, – ежегодный прирост доходов составлял 8–10 миллиардов, а в последующие семь лет 80-х годов по 12–15 миллиардов, то за 1988 год доходы выросли сразу более чем на 40 миллиардов. Потребительский рынок был взорван»⁷². Дефицит превращался в политический фактор.

Значительно ухудшились и внешнеторговые показатели. С 1985 по 1988 г. положительное сальдо сократилось с 3.3 до 2.1 млрд руб., в 1989–1990 гг. оно стало отрицательным (3.4 и 9.9 млрд руб. соответственно)⁷³, что резко снижало возможности для оплаты критически важного импорта (продовольствие, товары широкого потребления, медикаменты, промышленное оборудование). По мере уменьшения доходов от экспорта росли зарубежные заимствования. В 1981 г. внешний долг достиг 24.7, 1985 г. – 27.2, а в 1989 г. – уже 46.3 млрд дол. (в основном это были краткосрочные «дорогие» кредиты). Всего на его обслуживание в 1986–1990 гг. ушло более 80 млрд дол., самые крупные выплаты (21.5 млрд) пришлось на 1989 г., в результате СССР вынужден был увеличить продажи золота⁷⁴.

При сокращающихся доходах и растущих расходах в 1985 г. дефицит государственного бюджета СССР составлял 3.6%, 1986 г. – 10.6; 1987 г. – 12.2; 1988 г. – 17.5; 1989 г. – 16.7%⁷⁵. В 1989 г. руководство страны оказалось перед выбором: либо проведение жёстких стабилизационных мер, прежде всего, непопулярной реформы ценообразования, либо – привлечение в беспрецедент-

⁶⁸ Визит Михаила Сергеевича Горбачёва в Финляндию. 25–27 октября 1989 г. Документы и материалы. М., 1989.

⁶⁹ Правда. 1989. 5 декабря.

⁷⁰ Там же. 26 ноября.

⁷¹ Известия. 1989. 23 сентября.

⁷² Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999. С. 365–366.

⁷³ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 644.

⁷⁴ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1999. М., 1998. С. 509.

⁷⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 17; Второй съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчёт. Т. 1. М., 1990. С. 228–229.

ных масштабах зарубежных средств. Опасение социального взрыва в условиях начавшейся политической либерализации предопределило решение Горбачёва. Между тем в 1989 г. ситуация на рынке заимствований существенно изменилась. В связи с тем что советским внешнеторговым организациям не всегда удавалось своевременно оплачивать контракты, заключённые с западными компаниями, кредитный рейтинг СССР заметно снизился⁷⁶. Получение коммерческих кредитов у зарубежных банков становилось проблематичным, их соглашались давать лишь под гарантии своих правительств, к которым СССР и вынужден был обращаться. Это неизбежно превращало кредиты в *политически мотивированные*, их предоставление прямо или косвенно обставлялось условиями, касавшимися позиции СССР по важнейшим вопросам как внешней, так и внутренней политики. Всего в 1989–1991 гг. СССР обращался с просьбами о финансовой и экономической помощи к 12 государствам, не считая международных организаций⁷⁷. В этих условиях проведение независимого курса становилось всё более затруднительным.

Важной вехой в советско-американских отношениях стала первая личная встреча Горбачёва и Буша на Мальте 2–3 декабря 1989 г. Здесь были достигнуты принципиальные договорённости, определившие формат их дальнейшего сотрудничества. Горбачёв подтвердил, что СССР не будет вмешиваться в дела восточноевропейских стран. Констатируя фактическое начало объединения Германии, советский лидер сетовал на то, что ФРГ форсирует процесс. Но американский президент заверил его лишь в «невмешательстве» США, которые не собирались идти на опрометчивые действия и ускорять воссоединение. На деле это означало поддержку инициативной политики Коля. Со своей стороны, Буш выражал озабоченность ситуацией в советской Прибалтике, напомнив, что США никогда не признавали её частью СССР. Горбачёв соглашался рассматривать любую форму ассоциации Литвы, Латвии и Эстонии с Москвой, но не допускал их одностороннего выхода из Союза. Буш обещал, что США не будут подогревать антисоветские настроения в регионе, но непременно отреагируют на любое применение там силы⁷⁸. Горбачёв заявил о решимости избегать использования в Прибалтике войск, тем самым фактически развязав руки сепаратистам. Впоследствии Буш неоднократно напоминал Горбачёву о «прибалтийских соглашениях» на Мальте, М. Бэшлосс и С. Тэлбот назвали это «тайной сделкой по Прибалтике», а А.А. Громько квалифицировал их как «мальтийский Мюнхен»⁷⁹.

На Мальте советский руководитель впервые выступил как проситель экономической помощи. Буш увязал приостановку действия поправки Джексона–Вэника с отказом СССР от поддержки латиноамериканских режимов и изменением законов об эмиграции. В этом случае США были готовы также «немедленно приступить» к переговорам о новом торговом договоре и инициировать отмену поправок Стивенсона и Бэрда, ограничивавших кредитование Советского Союза.

Кроме того, на Мальте обсуждалось сокращение химического оружия, стратегических ракет и бомбардировщиков, а также обычных вооружений в

⁷⁶ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 256.

⁷⁷ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 427.

⁷⁸ Бешлосс М., Тэлбот С. Указ. соч. С. 141.

⁷⁹ Там же. С. 142; Громько Анат.А. Метаморфозы нашего времени. Избранное. М., 2012. С. 170.

Европе. Подводя итоги встречи, Буш с удовлетворением констатировал, что в отношениях между двумя странами восторжествовали «западные ценности». «Почему демократия, гласность, рынок – это западные ценности?», – с упреком спросил Горбачёв. На это последовал ответ: потому, что «США и Западная Европа разделяют их в течение многих лет». Вступивший в полемику Яковлев заметил, что тогда получается, будто «западные ценности» отличны от «восточных», «северных» или «южных», а это будет воспринято в СССР «как образчик западного идеологического империализма». Компромисс предложил государственный секретарь Дж. Бейкер, посоветовавший сказать о «демократических ценностях» как общей платформе, но тут же указавший, что они отождествляются прежде всего с «Западом». Американцы сочли это своей победой⁸⁰.

Осенью 1989 г. подъём демократического движения в ГДР поневоле втягивал СССР в германские дела. Это требовало обсуждения: будет ли сближение немцев происходить в рамках уже существующих республик, где за несколько десятилетий сформировались свои особенности, или будет воссоздано единое государство в границах 1945 г., а также произойдёт ли это через *объединение* или через *присоединение* ГДР к более сильной ФРГ? Не менее существенны были *сроки и темпы* сближения, от которых зависели не только формы сосуществования восточных и западных немцев в переходный период, но и новая расстановка сил в Европе.

Поскольку ГДР и ФРГ входили в противостоящие военные блоки, советское руководство предполагало синхронизировать их воссоединение с превращением СБСЕ в главную несущую конструкцию европейской безопасности и трансформацией НАТО и ОВД в объединения с преимущественно политическими функциями⁸¹.

К середине 1989 г. продуманной концепции решения этих проблем у СССР не было, что обусловило спонтанность и непоследовательность его действий. До осени 1989 г. советским, как и многим западным, государственным деятелям представлялось, что объединение Германии возможно лишь в отдалённой перспективе. Горбачёв откладывал его на 100 лет, полагая, что во всяком случае «ждать придётся, может быть, долго, очень долго», и «речь идёт не о задаче нашего поколения»⁸². До «бархатных революций» значительная часть европейских политиков допускала, что в германском вопросе СССР не пойдёт до конца и не согласится на исчезновение ГДР. Но в США ещё весной 1989 г. «воссоединение» рассматривалось как политическая задача.

Падение 9 ноября 1989 г. Берлинской стены МИД СССР комментировал спокойно, но в тот же день Горбачёв направил Бушу и Колю телеграммы, требуя прекратить разговоры о возможном образовании единой Германии. Последующие его шаги свидетельствовали об определённой растерянности. 17 ноября новый председатель Совета министров ГДР Г. Модров осторожно предложил расширить «сообщество ответственности» германских государств до «договорного сообщества»⁸³. В ЦК КПСС это вызвало недовольство, поскольку не исключало создания конфедерации, что в Москве считалось неприемлемым.

⁸⁰ Подробнее см.: *Черняев А.С.* Горбачёв – Буш: встреча на Мальте в 1989 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 117–130.

⁸¹ *Барсенков А.С.* «Новое мышление» во внешней политике СССР... С. 22.

⁸² *Горбачёв М.С.* Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 60, 68.

⁸³ *Павлов Н.В.* История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. М., 2012. С. 543–544.

Для разъяснения советской позиции 24 ноября в Берлин прибыл заведующий Международным отделом ЦК В.М. Фалин⁸⁴. Однако ещё раньше, 21 ноября, в Бонн для встречи с внешнеполитическим советником канцлера Х. Тельчиком прилетел сотрудник «фалинского» отдела Н.С. Португалов. Он привёз документ, излагавший не только «официальные», но и «неофициальные» соображения Кремля, среди которых оказалось и предложение обсудить, как могли бы складываться отношения единой Германии с НАТО и ОВД⁸⁵. В ведомстве канцлера, как отмечал Тельчик, сочли, что «уж если Горбачёв и его советники обсуждают возможность объединения и связанные с ним вопросы, то для нас самое время не заниматься этим дальше, а переходить в наступление»⁸⁶. Уже 28 ноября появились «10 пунктов» Коля, где перечислялись практические шаги, направленные на слияние ФРГ и ГДР. С этим планом предварительно были ознакомлены лишь США.

Наиболее остро стоял вопрос о блоковом статусе будущей страны, но и здесь советская позиция отличалась неопределённостью. Изначально в Москве исходили из того, что объединённая Германия должна остаться нейтральной. Американцы же и их союзники утверждали, что в интересах европейской безопасности следует «связать» новое большое и мощное государство участием в НАТО⁸⁷. Горбачёв и Шеварднадзе в принципе не отрицали такую логику, но вместе с тем весной 1990 г. предлагали совершенно нереалистичные варианты (участие объединённой Германии в НАТО и ОВД одновременно, её членство в НАТО при нейтралитете восточной части, вступление СССР в НАТО). А когда Бейкер, говоря о будущем Германии, спросил, «какой же ей быть», Шеварднадзе откровенно признал: «У нас нет ответа на этот вопрос»⁸⁸. В итоге 1 июня 1990 г. Горбачёв согласился на членство объединённой Германии в НАТО, хотя буквально накануне на заседании Политбюро решительно высказывался против и даже грозил сорвать переговоры по СНВ и по обычным вооружениям в Европе⁸⁹.

Необходимо также учитывать, что на политику СССР в германских делах в первой половине 1990 г. в огромной мере влияло его тяжёлое экономическое положение, о чём было хорошо известно другим участникам переговоров. О готовности использовать финансовые рычаги Коля говорил с Бушем ещё в феврале 1990 г. 5 мая в Бонне, обсуждая с Колем будущее Германии, Шеварднадзе интересовался условиями предоставления Советскому Союзу «крупного финансового кредита»⁹⁰. 13 мая в Москву в обстановке секретности прилетели Тельчик и влиятельные немецкие банкиры, которых на следующий день приняли Горбачёв и Рыжков. На переговорах Тельчик особо отметил, что возможные договорённости являются «частью общего пакета решений», а потому будут «крайне полезны» для той «сферы, где ведёт обсуждение Шеварднадзе, чтобы там поутихли споры»⁹¹.

⁸⁴ Максимычев И. Ф. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2011. С. 208–209.

⁸⁵ «Документ Португалова» о позиции советского руководства по германскому вопросу. 21 ноября 1989 г. Публ. Б.В. Петелина // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 9.

⁸⁶ Telschik H. Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991. S. 42–44.

⁸⁷ Baker J. The Politics of Diplomacy. N.Y., 1995. P. 270.

⁸⁸ Буш Дж., Скоукрофт Б. Указ. соч. С. 242.

⁸⁹ Черняев Л. С. Шесть лет с Горбачёвым. С. 347.

⁹⁰ Telschik H. Op. cit. S. 230.

⁹¹ Цит. по: Плато А. Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007. С. 314–315.

Ослабление влияния СССР в Восточной Европе и «битва за Германию» происходили в условиях прогрессирующего кризиса советской государственности. Отход КПСС от руководства страной сопровождался общим снижением управляемости. Повсеместно отмечались правовой нигилизм и «эскалация безнаказанности». Дegrадировали социально-экономические отношения и институты. Введённый в марте 1990 г. пост президента СССР оставался преимущественно бутафорским. В КПСС наметился глубокий разлом. Весной 1990 г. Эстония, Литва и Латвия объявили о восстановлении довоенной государственности. Акты о суверенитете приняли Азербайджан и Грузия. Верховный совет РСФСР возглавил политический антагонист Горбачёва Б.Н. Ельцин.

Всё это подрывало позиции союзного руководства и лично Горбачёва, свидетельствуя о резком ослаблении государственной субъектности СССР. Неудивительно, что внешняя политика нередко превращалась в инструмент укрепления власти утратившего былой авторитет лидера ослабленной, но всё ещё влиятельной партии. Намеченный на начало июля 1990 г. XXVIII съезд КПСС реально мог лишитъ генерального секретаря должности, и ему важно было предъявить «соратникам» крупные успехи в международных делах, которые хотя бы частично компенсировали поражения на «внутреннем фронте». Горбачёв желал продемонстрировать конкретные достижения в укреплении безопасности, а также готовность Запада экономически поддержать «перестройку». В США осознавали серьёзность ситуации и, решая свои задачи, были согласны «подыграть» партнёру. Не случайно проходивший в Вашингтоне 30 мая – 4 июня 1990 г. саммит преподносился как самый плодотворный за всю историю советско-американских встреч. Он завершился подписанием соглашений об уничтожении и запрещении производства химического оружия, о сотрудничестве в области использования атомной энергии, студенческих обменах, а также протоколов к договорам о ядерных испытаниях и ядерных взрывах в мирных целях. Были сделаны совместные заявления об основных положениях будущего договора о сокращении на 50% СНВ и предстоящих переговорах по обычным и стратегическим вооружениям. С большим трудом Горбачёву удалось добиться подписи Буша под торговым соглашением, которое, тем не менее, было обставлено американскими оговорками⁹². А 1 июня было заключено «Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств», передававшее американцам богатейшие и важные в стратегическом отношении морские территории⁹³. Накануне и в ходе саммита Шеварднадзе настойчиво просил Бейкера в ближайшее время публично объявить об обновлении целей и образа НАТО⁹⁴. При подготовке проекта соответствующей декларации Альянса (с которым главу советского МИД ознакомили ещё до утверждения) США даже призывали своих союзников «прочитать его глазами Горбачёва».

Во время работы XXVIII съезда КПСС (2–13 июля 1990 г.) состоялись сессия Совета НАТО в Лондоне (5–6 июля) и встреча «Большой семёрки» в Хьюстоне (9–11 июля). Лондонскую сессию генеральный секретарь Совета альянса М. Вернер открыл словами: «Холодная война ушла в историю». В принятой «Декларации о трансформации Североатлантического Союза» торжественно

⁹² Отвечая на вызов времени... С. 262–264.

⁹³ Подробнее см.: *Ильин Н.Н.* Позорная сделка (Советско-американское Соглашение о линии разграничения морских пространств в Беринговом море) // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 86–91.

⁹⁴ *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Указ. соч. С. 263.

провозглашалось намерение «построить новое партнёрство со всеми нациями в Европе» и протянуть «руку дружбы» бывшим противникам по «холодной войне». В Хьюстоне же обсуждались вопросы инвестиций и предоставления кредитов странам Центральной и Восточной Европы, ситуация в СССР и возможная помощь ему в создании рыночной экономики⁹⁵. Появившиеся «вовремя» документы помогли Горбачёву сохранить высший пост в партии, хотя ему пришлось пожертвовать ближайшими соратниками, включая Яковлева, Шеварднадзе и Медведева.

После того как были сняты советские возражения, путь к завершению переговоров об объединении Германии был открыт и 12 сентября 1990 г. министры иностранных дел ФРГ, ГДР, Великобритании, СССР и Франции и государственный секретарь США подписали в Москве «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии», восстанавливавший её суверенитет и юридически оформлявший итоги Второй мировой войны в Европе, наряду с мирными соглашениями, подписанными в 1946–1947 гг. державами-победительницами. 3 октября 1990 г. ГДР присоединилась к ФРГ, а 9 ноября, в ходе визита Горбачёва, был подписан советско-германский договор о добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве.

Хотя вхождение объединённой Германии в НАТО было предрешено, вопрос о судьбе двух военных блоков оставался открытым. Ныне нередко упоминается о том, что США устно обещали Горбачёву после воссоединения Германии не расширять НАТО на восток⁹⁶. Западные авторы, напротив, обычно указывают на то, что в документах тех лет о расширении НАТО напрямую не говорилось. В частности, когда Бейкер в ходе переговоров с советским руководством 9 февраля 1990 г. заверял, что юрисдикция блока не будет сдвигаться восточнее зоны его действия *на тот момент*, имелась в виду только территория ГДР⁹⁷. Горбачёв же отменяет обвинения в том, что данные ему обещания не получили юридически обязывающей формы, поскольку, по его мнению, выдвижение подобного требования «в тот момент было бы просто глупостью, так как существовали НАТО и ОВД»⁹⁸. Но если зимой 1990 г. речь действительно шла лишь о территории бывшей ГДР, то о нераспространении на неё военной инфраструктуры говорилось в *общем контексте обеспечения безопасности СССР* в меняющихся условиях, а это подразумевало сохранение между ним и НАТО «буферного» пространства, в которое «по умолчанию» включались и все восточноевропейские государства – члены ОВД.

Однако уже к осени 1990 г. судьба ОВД и СЭВ была предрешена. С лета велись переговоры, формально посвящённые совершенствованию структуры и характера их деятельности, только теперь контрагентами СССР выступали уже не покладистые «друзья» из «братских» партий, а активные представители антикоммунистической волны. Они спешили установить точные сроки вывода советских армейских соединений со своих территорий и отказывались включать в проекты двусторонних соглашений пункт, обязывавший не участвовать во враждебных друг другу союзах. По точному выражению Р.А. Медведева, на

⁹⁵ Подробнее см.: Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М., 2012. С. 546–547.

⁹⁶ См.: Примаков Е.М. Годы в большой политике. С. 233.

⁹⁷ Stent A. The Limits of Partnership. U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton, 2014. P. 37.

⁹⁸ Горбачёв М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 246.

этих встречах договаривались «об организации похорон, которые все хотели провести быстро и без каких-либо торжеств и поминок»⁹⁹. 28 июня 1991 г. в Будапеште был подписан протокол об упразднении СЭВ, а 1 июля в Праге – о ликвидации ОВД. Между тем уже с конца 1989 г. Европейские сообщества развернули работу по присоединению стран региона «к разным интеграционным орбитам» *внутри своего объединения*¹⁰⁰.

Завершающим холодную войну аккордом стала внеочередная встреча на высшем уровне государств-участников СБСЕ, проходившая 19–21 ноября 1990 г. в Париже, где были приняты три важнейших документа, подтверждавшие преодоление военно-политического раскола Европы¹⁰¹. В «Совместной декларации двадцати двух государств» (членов ОВД и НАТО) констатировалось, что они больше не являются противниками, «будут строить новые отношения партнёрства и протягивают друг другу руку дружбы». В «Парижской хартии для новой Европы» обещалось, что теперь в основу международных отношений будут положены «общеевропейские ценности» свободы, демократии, основанной на правах человека, экономического процветания, социальной справедливости и равной безопасности для всех.

Особое место занимал «Договор об обычных вооружённых силах в Европе», устанавливавший предельные – достаточные для обороны, но не для незападного нападения и крупномасштабных операций – уровни вооружений двух блоков «от Атлантики до Урала». При этом сокращения носили асимметричный характер: ОВД предстояло сократить намного больше (по некоторым оценкам, до 70% наземной техники, находившейся в регионе в 1989 г.)¹⁰². Это была подлинная «победа» «нового мышления». В своей среде американцы удивлялись, как СССР согласился на столь невыгодные для него условия. Позднее Дж. Мэтлок вспоминал: «Горбачёв всё делал для ускорения переговоров... На деле он действовал с такой быстротой, удовлетворяя требования Запада..., что вызвал этим некоторые проблемы с координацией между участниками западноевропейского альянса. Ряд западных предложений делался в расчёте на то, что Москва никогда их не примет. Когда же та приняла, то кое-кто из союзников засомневался, смогут ли они сами ужиться с собственными предложениями»¹⁰³. Вскоре это и подтвердилось.

Ещё летом 1989 г. Ф. Фукуяма сформулировал концепцию «конца истории», под которым он понимал «конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы человеческого правления»¹⁰⁴. «Возвращение в Европу» ранее отторгнутых от неё стран, воссоздание единой Германии на условиях ФРГ, трансформация советского общества, отказ СССР от продвигавшейся с 1917 г. модели общественного устройства и курс на сближение с «цивилизованными странами», масштабные сокращения вооружений, превращение США в бесспорного мирового лидера – всё это заставляло осмысливать *природу победы* либераль-

⁹⁹ Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. М., 2009. С. 401.

¹⁰⁰ Шишелина Л.Н. Расширение Европейского Союза на Восток и интересы России. М., 2006. С. 86–87.

¹⁰¹ От Хельсинки до Будапешта: история СБСЕ / ОБСЕ в документах. 1973–1994. В 3 т. Т. 2. М., 1997.

¹⁰² Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 457–460.

¹⁰³ Мэтлок Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003. С. 163.

¹⁰⁴ Fukuyama F. The End of History // The National Interest 16 (Summer 1989). P. 18.

ных политических и экономических идей. Не случайно именно осенью 1990 г. Дж. Най сформулировал сразу получившую признание концепцию «*мягкой силы*» государства¹⁰⁵. Разделяя международную мощь на три компонента (военную, экономическую и власть над общественным мнением), он полагал, что в конце XX в. ключевую роль играют не столько военные, сколько экономические факторы, а также культура страны, политические ценности и основанная на морали инициативная внешняя политика. Именно это, по мнению Найа, способствовало изменению сознания лидеров враждебных Америке стран и привело к масштабным последствиям. Позднее американский аналитик утверждал, что «курс Михаила Горбачёва на перестройку и гласность был взят под влиянием идей, почерпнутых в Соединённых Штатах Александром Яковлевым несколькими десятилетиями ранее». И хотя Най признаёт, что конец холодной войны был обусловлен комплексом причин, фактору «мягкой силы» он отводит одно из главных мест¹⁰⁶.

В историографии существуют различные определения «холодной войны», но все они предполагают наличие *двух* сверхдержав, способных оказывать воздействие на другие страны; непримиримую идеологическую конфронтацию; наличие ядерного оружия как фактора предотвращения «горячей» войны; гонку вооружений; борьбу за сферы влияния; вооружённые конфликты на их периферии. К концу 1990 г. *все* эти признаки претерпели радикальные изменения, что во многом было результатом советской политики «нового мышления» и означало завершение холодной войны. Однако последствия данного курса оказались далеки от ожидаемых: СССР столкнулся с необходимостью адаптации к новым международным реалиям, которые оказывали возрастающее влияние на внутренние преобразования в стране и вели к изменению её места в мировом сообществе.

¹⁰⁵ *Nye J. Soft Power // Foreign Policy. № 80. Twentieth Anniversary (Autumn, 1990). P. 153–171.*

¹⁰⁶ *Най С.Дж. (младший). Будущее власти. М., 2014. С. 171.*